

валентное восприятие жизни и смерти, окрашенное буйными красками, трагизмом и глубоким философским осмыслением. Африканские корни, преемственность, трагедия и неизбежная данность бытия представляются главными составляющими концепта «смерть» в культуре и африканском варианте ФЯ.

С точки зрения лингвокультурологии, язык можно рассматривать как особый инструмент, главным назначением которого являются фиксация, хранение и передача культурологической информации. Таким образом, ФА – это ключи к культурной памяти того или иного народа.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла. – Астрахань, 2004.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М., 2001.
3. Кирюшкина Т.В. Фразеологическая единица – фрагмент культурного самосознания языкового общества // Язык, познание, культура на современном этапе развития общества. Материалы Всерос. науч. конф. – Саратов, 2001. – С. 23 - 24.
4. Хун Б. Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 305-310.
5. Чеснокова О.С. Концепт «Смерть» в мексиканском национальном варианте испанского языка и культуре Мексики // Вестник Российского университета дружбы народов. № 6. – М., 2004 – С. 106 – 112.

ИМЕННЫЕ (МЕСТОИМЕННЫЕ) КОНСТРУКЦИИ И ТЕРМИНЫ РОДСТВА В НАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.П. Седых
Е.В. Гринько
Белгород

Об индивидуализме (партикулярности) французов и коллективизме (соборности) русских можно найти немало свидетельств в литературе по различным отраслям знания. Рассмотрим данное явление с точки зрения ряда языковых фактов.

Слово “партикулярность” происходит от латинского *particularis* - частичный, частный. По отношению к французскому языковому поведению данное понятие понимается в данной работе в смысле близком декартовскому “партикулярному естеству”: “Мысль не есть *общее*, охватывающее виды, а некоторое партикулярное или *единичное естество* (*une nature particulière*), принимающее их в себя, т.е. в себе содержащее своим расположением” (Descartes 1953: 1308). Этот термин используется для обозначения индивидуального (до индивидуалистического) начала в парадигме мышления (поведения) французской этно-культурной общности.

“Партикулярность” француза проявляется, например, в использовании топонима и неупотреблении притяжательных местоимений (прилагательных) в определенных ситуациях общения. По нашему мнению, данная тенденция

наиболее ярко проявляются в ситуациях, когда речь идет, например, о приглашении в гости (*“Приезжайте к нам погостить!”* или *“У нас есть, что посмотреть”*) или о выражении принадлежности к национальной общности. Француз избежит употребления местоимения *nous* и скажет: *“Vous pouvez venir quand vous voulez à Ventabren”* и *“En France il y a plein de choses à voir”*. Во второй фразе может быть использована следующая конструкция: *“Chez nous, en France ...”*. Она не может, тем не менее, употребляться без второй части (*en France*), уточнение необходимо для адекватного понимания смысла высказывания.

(cf.) “Соборность” представителя русского этноса в противовес французской “партикулярности” проявляется, например, в частом употреблении местоимения “мы” и притяжательных местоимений в сходных коммуникативных ситуациях.

Так, русский, приглашая в гости, или, говоря о собственной стране, употребит фразу типа: *“Приезжайте к нам погостить!”* или *“У нас есть, что посмотреть”*. Кстати, привычка к использованию таких конструкций часто ведет к их переносу во французские фразы, чаще всего на начальном этапе изучения языка, что ведет к речевым ошибкам: **“Venez chez nous!”* и **“Chez nous il y a beaucoup de choses à voir”*. Рассмотрим следующую ситуацию. Ведущий новостей говорит о выполнении российским подразделением боевой задачи: *“Наши десантники завершили операцию по блокированию боевиков”*. Для французского слушателя фраза **“Nos paras ont accompli la mission d’investissement des groupes paramilitaires”* звучит по меньшей мере двусмысленно. Французский ведущий укажет на точную принадлежность исполнителей задания к тому или иному подразделению или употребит родовое понятие: *“Les paras de la brigade du général Montrouge ...; Les paras français ...”*.

В речи россиян также широко употребительны следующие конструкции с притяжательными местоимениями: *“А наши-то, продули ...”* (проиграли международный матч), *“Нам (России) бы дороги хорошие и поменьше дураков”*. Подобные обороты, **On les a eus, les nôtres ...; *Si nous avions les meilleures routes et moins de cons chez nous*, несвойственны речи представителей французского этноса, примерными соответствиями будут: *“On les a eus, les français ...; Que les routes soient de meilleure qualité et moins de cons en France ...”*. Иными словами, французские высказывания рассматриваемого типа требуют точной локальной и национальной соотнесенности, тогда как русские участники общения не нуждаются в подобном уточнении для адекватного понимания сообщения.

Представляет интерес употребление местоимения “мы” (вместо “ты” и “вы”) при обращении, в частности, взрослых к детям в нежничавшей манере с особым интонационным контуром: *“В каком же это мы классе?”*; *“Какие уроки мы сегодня выучили?”*; *“Как мы себя вчера вели?”*; *“Кто это нас обидел?”* и пр., или в состоянии эмоционального возбуждения для передачи негативного отношения к собеседнику: *“Ты смотри, какие мы чувствительные (обидчивые)!”*; *“Чего это мы так разорались?”*, также в ироничных

(саркастических) репликах типа: “Куда это мы так летим?”; “Что это мы такие хмурые?” и т.д. В процедурном кабинете медсестра, приглашая пациента принять те или иные процедуры, говорит: “Сидоров, заходим в кабинку № 5, а Петров, ложимся на электрофорез” (местоимение “мы” непосредственно не употреблено, но используется 1-е лицо мн. числа глагола).

Использование местоимения *nous* (мы) в подобных ситуациях общения во французских высказываниях не принято. В данном случае может употребляться “местоимение-хамелеон” (Cellard 1982) *on*: “*A-t-on été sage, mon enfant?*”; “*Eh bien! petite, est-on toujours fâchée?*”; ко взрослым: “*Qui regrette-t-on quand on est si belle?*”; “*On va bien aujourd’hui?*” etc.

В ситуациях, связанных с началом разговора (зачин), можно часто услышать высказывания с характерным употреблением местоимения *on*: “*On se fait une petite bronzette, Mademoiselle?*” (Загораем, девушка?); *On s’amuse, Monsieur?* (Развлекаемся, месье?); *Alors, on ne dit plus bonjour?* (А что, мы больше не здороваемся?); *Eh bien, on continue à faire le méchant?* (Ну что, продолжаем вредничать?).

В этих фразах разговорного стиля безличное местоимение *on* заменяет местоимение *tu* (*vous*), и употребление *nous* не соответствовало бы коммуникативным нормам французского языка. С точки зрения формальных средств выражения русские высказывания представляют собой отражение коллективного стереотипа поведения, тогда как французские - его индивидуальную ипостась.

Как видим, для русского менталитета местоимение “мы” *обладает большей притягательностью*, нежели для француза. Всем известна русская поговорка: “Я - последняя буква в алфавите”, которая используется как негативная реакция собеседника на чрезмерное подчеркивание, выпячивание своего “я”, собственных заслуг, например, при сообщении о сделанном. Для француза ценностные характеристики местоимения “я” и его производных превалируют над коллективным “мы”.

Партикулярность французского языкового поведения проявляется и в национально окрашенном использовании возвратных местоимений (*me, te, se*) в экспрессивных высказываниях, которые подчеркивают, что действие совершается в пользу или в ущерб говорящего. Например: “*J’ai envie de me boire un bon petit Martini (de me fumer une bonne petite cigarette, de me faire une bonne petite sieste); Je vais me prendre une bonne douche; Je vais m’allumer un délicieux cigare etc.*” (Parler au quotidien 1991: 28-29).

В приведенных высказываниях возвратные местоимения избыточны с точки зрения непосредственного семантического наполнения предложения, так как дублируют личные местоимения. Благодаря возвратным местоименным интенсификаторам, с одной стороны, усиливается эмоциональная окраска фразы, с другой стороны, подчеркивается индивидуально-психологическая ориентация смысла.

Во французском языке существуют устойчивые выражения с возвратными конструкциями, принадлежащие, как правило, разговорно-фамильярному регистру: “*On s’en paye une bonne tranche* (Веселимся во-

всю)”; “*Eh bien, tu te la donnes aujourd'hui! T'as vu le manteau que tu t'es acheté? Oh il se la donne celui-là!*” (Ну, ты даешь сегодня! Прикупил же ты себе пальтишко! Во, дает!) (*Parler au quotidien* 1991: 28-29).

(cf.) Если фразы с возвратными глаголами буквально перевести на русский язык, то мы получим предложения, не соответствующие грамматическим и коммуникативным нормам русского языка. Подобного употребления возвратных местоимений нет в русском языке.

К проявлению соборной языковой психологии русских можно отнести употребление “дядя” и “тетя” для обозначения кого-либо, часто в беседе с детьми: “*Еще есть другая загадочная личность - это тетя, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает*” [Чехов, *Гриша*]; при обращении к незнакомым или знакомым мужчине и женщине: “*Дядя, дай десять копеек!*” [И.Ильф, Е.Петров, *Двенадцать стульев*].

Во французской речевой практике нет подобного употребления данных наименований. Слова “*oncle*” и “*tante*” обозначают лишь степень родства между конкретными людьми. В идентичных ситуациях в первом случае употребляется “*Dame*”, во втором - “*Monsieur*”, то есть традиционные формы наименования и обращения: “*Dis merci au monsieur (à la dame)*” (Скажи дяде [тете] спасибо), но никак не: **“Dis merci à l'oncle (la tante)”*. (cf.) В идентичной ситуации в речи русских употребляется слово “дядя”: “Тот дядя; Какой тот дядя?; Дядя, который открыл багажник; Как выглядел этот дядя?”.

Фамильярное и дружеское обращение “брат” к мужчине, юноше, мальчику очень характерно для русских: “Что за оказия! Молчалин, ты, брат?” [Грибоедов, *Горе от ума*]. В русском языке существует ряд выражений со словом “брат”, не выражающих отношений кровного родства: **На брата** - на каждого. [Девушки] достали воды и бережно роздали ее, по кружке на брата. Каверин, Два капитана.; **Ваш брат** (обычно с приложением) - вы и вам подобные. **Наш брат** (обычно с приложением) - я и мне подобные. Отчего это молодые люди нашего брата-старика никогда слушаться не хотят? Тургенев, Холостяк. **Свой брат** (обычно с приложением) - подобный кому-л. [Судья] никогда не затруднялся “для своего брата-дворянина одолжение сделать”. Салтыков-Щедрин, Благонамеренные речи. (Словарь Русского Языка I т., 134).

Французскими эквивалентами приведенных высказываний являются: *Nous autres, les Français* (Наш брат-француз); *Nous autres* (Мы, наш брат); *Vous autres* (Вы, ваш брат); *Nous autres étudiants* (Мы, студенты; Наш брат студент); *Par personne* (На брата) etc.

Несмотря на частичное совпадение сфер употребления приведенных языковых единиц, французские имена имеют более узкое поле речевого применения по сравнению со своими русскими эквивалентами.

Как видим, в идентичных коммуникативных ситуациях использование терминов, обозначающих родственные отношения, менее характерно для французского языкового поведения. В более широком использовании терминов родства скорее всего проявляется специфический архетип поведения русского: подсознательная установка на семейные (родственные) отношения с окружающими людьми в рамках принадлежности к своему этносу.

В логике анализа функционирования рассматриваемых тенденций коммуникативного поведения, следует отметить наличие во французском языке *именных фразеорефлексов*, застывших фраз, которые выражают относительно стереотипную реакцию на определенную ситуацию или вопрос (Гак 1995). Проанализируем французские именные фразеорефлексы (независимо от того, как зовут адресата, в высказываниях используются традиционно зафиксированные собственные имена) и их русские буквальные переводы и эквиваленты:

<i>A la tienne, Etienne!</i>	- букв. 'За твое (здоровье), Этьен!' т.е. За твое здоровье!
<i>Pas de ça, Lisette!</i>	- букв. 'Только не это, Лизетта!' т.е. Ну нет, шалишь!
<i>En voiture, Simone!</i>	- букв. 'В машину, Симона!' т.е. Поехали! (как приглашение к отправлению на автомобиле, а также шире побуждение к действию)
<i>Cool, Raoul!</i>	- букв. 'Остынь, Рауль!' т.е. Остынь!; Ну, остыли! Само собой! (призыв к спокойствию, снятию напряженности).
<i>Relax, Max!</i>	- букв. 'Расслабься, Макс!' т.е. Расслабься!; Так, расслабились!
<i>Adieu, Berthe!</i>	- букв. 'Прощай, Берта!' т.е. Все кончено, с концами!; И привет, и конец, и все! И отвалили!
<i>Chauffe, Marcel!</i>	- букв. 'Грей, Марсель!' т.е. Давай! Жги!

Собственные имена, несмотря на отсутствие точной персональной соотношенности, в известной мере индивидуализируют коммуникативную информацию. В русском языке практически нет именных фразеорефлексов, использующих собственные имена на основании так называемой внутренней рифмы. Возможность двойного перевода (фр. 2-е лицо ед. числа ↔ русск. 2-е лицо ед. числа/ 1-е лицо мн. числа) позволяет отнести французские высказывания к выражению партикулярных тенденций речевого поведения.

В свете сказанного интересно сопоставить следующие французские выражения и их русские соответствия:

Demain matin je vais chez mon dentiste - Завтра утром я иду к (букв. 'моему') зубному врачу.

Parler de tes problèmes sexuels à ton oto-rhino? Là, tu payes ... - Говорить о своих сексуальных проблемах с (букв. 'твоим') ухо-горло-носом (врачом)? Ну, ты даешь ...

Как видим, индивидуальное начало французского коммуникативного поведения проявляется в специфическом употреблении притяжательных прилагательных (*mon, ton*), указывающих на то, что говорящий всегда обращается к одному и тому же врачу или имеет личного врача.

(*cf.*) Для французской действительности это вполне закономерное явление. У россиян существует участковый врач, но назвать его "мой" участковый, можно лишь в минуту прилива сердечной нежности к компетентному и

внимательному доктору. Обычно его называют “наш участковый”. В России персональные врачи есть у хорошо обеспеченных людей, но их, как правило, называют по имени и отчеству, что также является элементом “соборной” ментальности. Так, социальные факторы воздействуют на языковые и последние, в свою очередь, отражают поведенческие стереотипы каждой нации.

Итак, рассмотренный в данной статье фактический материал подтверждает то, что отношение к личностному и коллективному различается в языковом сознании представителей рассматриваемых этносов и передается соответствующими способами употребления языкового материала.

Литература

1. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 17-23.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый Французско-русский словарь. - М., 1995.
3. Amar Y., Lattanzio E. Parler au quotidien. - P., 1996.
4. Cellard J. Ça mange pas de pain! - P., 1982.
5. Descartes Oeuvres et Lettres. - P., 1953
6. Le Nouveau Petit Robert - P., 1993.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БАЗОВЫХ УРОВНЕЙ ОБОБЩЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ПОСЛОВИЦЫ

Н.Н. Семенов
Старый Оскол

Пословица как культурно значимый текст имеет сложно организованную семантическую структуру. Уровневый подход к описанию обобщенного значения пословиц обусловлен их многофункциональностью, которая ведет к формированию в составе обобщенного значения ряда отдельных смыслов и значимостей, связанных с той или иной функцией, реализуемой пословицами.

Неоднородность семантической структуры пословиц обусловлена также избирательностью восприятия отдельных аспектов их значения, вызванной культурно обусловленной полифункциональностью паремий. Например, пословица *мертвый пес зайца не нагонит* реализует в том числе когнитивную функцию, вербализуя концепты «смерть» и «судьба». Мировоззренческий аспект когнитивной функции в данном случае заключается в отражении стереотипичных для культуры образов, регулярно отражаемых в национальной языковой картине мира (сравним с пословицами *мертвым соколом утки не затравишь, мертвая собака не кусается*).

Этнообразующая функция паремии реализуется в плане выражения речевого и культурного стереотипа, лежащего в основе умозаключения; прагматическая функция пословицы заключается в констатации традиционного